

БИОГРАФИЯ ЭЛИТЫ: ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОСТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА

Автор: Н. В. КОЛЕСНИК, Д. Б. ТЕВ

КОЛЕСНИК Наталья Владимировна - кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН (Санкт-Петербург). E-mail: kny96@yandex.ru.

ТЕВ Денис Борисович - кандидат социологических наук, старший научный сотрудник того же сектора.

Аннотация. Рассматриваются качественные методы исследования, в частности, биографирование, на основе данных которого происходит реконструкция прошлого и настоящего представителей элитного сообщества: цель - воссоздание из отдельных, порой разрозненных или противоречивых сведений относительно достоверной биографии; эмпирические данные позволяют определить базовые социально-демографические характеристики, векторы карьерных и жизненных путей элиты, каналы ее рекрутирования, элементы внутривэлитного взаимодействия. В исследовательском проекте представлены политический и экономический состав региональной элиты*.

Ключевые слова: биографирование • реконструкция • информация • стратегия отбора • матрица базы данных • ситуативная биография

Как показывает эмпирический опыт западных и российских элитологов, элита может быть субъектом биографирования. Посредством биографического анализа происходит реконструкция прошлого и настоящего. В процессе воспроизводства биографии исследователь сталкивается с несколькими ее разновидностями: *в первом случае* имеет место сконструированная или ранее заданная для дальнейшего анализа биография, где в роли автора текста выступает сам представитель элитного сообщества и в которую могут проникать "случайные" факты из его жизни, искажаться либо осознанно умалчиваться некоторые сведения; *второй тип* биографий представлен материалом, который воссоздается непосредственно исследователем из различных источников и может иметь прямое и/или косвенное отношение к предмету исследования. Многообразие источников при воспроизводстве биографий элиты предъявляет серьезные требования к исследователю, который, по справедливому замечанию Е. Здравомысловой и А. Темкиной, выступает в роли детектива и "...должен увидеть

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ.

* Среди социологов растет число тех, кто отвергает понятие "элита", предлагается заменить его понятиями "политический класс", "правящий класс (группа)", "властвующий класс (группа)" и даже "номенклатура", но в иной трактовке, чем в советский период. - *Прим. ред.*

то, чего не замечают другие и что содержит ключ к решению исследовательской задачи" [1, с. 228]. Главное в исследовании - воссоздание относительно достоверной биографии из отдельных, порой разрозненных и противоречивых сведений.

На протяжении нескольких лет в Институте социологии РАН проводится работа по формированию базы данных о региональных элитах в современной России. Основные этапы ее создания связаны со структурированием, статистической обработкой показателей, касающихся жизненных периодов представителей региональной элиты (политической, экономической, административной, судебной). Полученные данные позволили определить базовые социально-демографические характеристики, векторы карьерных и жизненных путей элиты, основные каналы рекрутирования, содержательные элементы процесса внутриэлитного взаимодействия (формальный и неформальный аспект).

Региональные элиты. Политический сегмент региональной элиты представлен депутатами региональных законодательных органов власти, депутатами Государственной Думы и представителями Совета Федерации от исследуемого региона. *Экономическая элита* - руководители крупнейших (крупных) компаний/предприятий в регионе, члены советов директоров, правления компаний. Что касается *административной элиты*, то в нее вошли члены региональных правительств (высший уровень), руководители комитетов, главы администраций городов и районов.

На первом этапе сбора информации в поле зрения оказались два российских региона: г. Санкт-Петербург и Ленинградская область. Далее база данных была расширена за счет Калининградской и Ростовской областей, что в количественном выражении составляет 833 единицы/биографии. При выборе этих четырех регионов вовлекалась комбинированная стратегия двух противоположных случаев - "наибольшего сходства" и "наибольшего различия". Случай Санкт-Петербурга и Ленинградской области рассматривается как макрорегион и являет собой пример "наибольшего сходства" как по отношению друг к другу, так и в связи с рассмотрением Калининградской области. Ростовская же область представляет "различный тип" по отношению к ним. В случае выбора стратегии "наибольшего сходства" учитывалась, прежде всего, географическая близость Санкт-Петербурга, Ленинградской и Калининградской областей (Северо-Западная часть РФ). Существенно похожи эти регионы по экономическим, социальным показателям: развитая промышленность, портовые зоны, высокая степень интеграции в международные процессы, рост ТНК, активное развитие финансовых рынков, преобладание городского над сельским населением, наличие большого количества пограничных территорий, активная миграция населения внутри регионов, относительный рост инвестиций. При этом учитывалось, что в пределах регионов имеются различия, среди которых самым важным является "анклавность" территории Калининградской области.

Стратегия "наибольшего различия" в случае Ростовской области по отношению к названным регионам состоит в географической удаленности (Юг РФ) и географическом "удобстве" региона ("ворота Северного Кавказа"), различиях в социальной структуре: сильная развитость сельского хозяйства, распространенность соответствующего типа поселения, высокая оседлость местного населения, наличие пограничных зон. Следует отметить также особый статус Ростовской области (центр Южного Федерального округа), который дополнительно повышает политическое и экономическое значение области. Избранная стратегия анализа позволяет получить обобщения, важные при проведении сравнительного исследования.

Источниковедческая база исследования. Источниковедческая база по региональной элите достаточно дифференцирована: биографические справочники типа "Кто есть кто", материалы региональных СМИ, официальные сайты органов власти, сайты экономических структур (корпораций) исследуемых регионов, официальные отчеты крупных компаний/предприятий. Что касается биографических сборников, то, по мнению экспертов, за последние годы претерпела изменение "...типо-видовая структура биографических справочных изданий", утвердился справочник коммуникационного

типа, который реализуется на широком географическом материале (отдельные регионы, крупные города, небольшие населенные пункты) [2, с. 32]. Что касается сведений об экономической элите, то ввиду "отсутствия" и "новизны" самого объекта исследования, еще до недавнего времени представители экономических институций не были предметом биографирования.

Чаще всего сведения об элите упоминаются в открытых, доступных источниках и в этом случае исследователь сталкивается с жестко заданной матрицей биографии: сведения отвечают формальным требованиям той институции, которую представляет субъект исследования. Однако не исключены случаи, когда в руках исследователя оказываются и автобиографические описания жизни региональной элиты. Иной исходный биографический материал получает исследователь, когда проводит глубинное интервью. В этом случае как исследователь, так и субъект анализа, находясь в условиях все расширяющихся исследовательских возможностей, одновременно оказываются авторами ситуативной биографии элиты.

Последовательное выстраивание фактов из личной биографии может происходить в ходе интервью с представителями элиты на страницах региональных СМИ, когда повествователи собственной жизни в ответах чаще всего освещают те или иные аспекты профессиональной карьеры. В таком случае, биография конструируется: 1) как биография "...человека, который "сделал себя сам" (по крайней мере, таким он себя представляет)", 2) как описание "цепочки ролевых образцов, соответствующих разным институциональным аффилиациям рассказчика" [1, с. 236 - 237].

Если попытаться определить жанр той биографии, что получает исследователь после обработки большого/малого количества источников, то в первую очередь речь идет о сборе сведений, касающихся карьерных путей представителей региональной элиты. Реконструкция биографии сводится к тому, что исследователь последовательно описывает жизненные ситуации, в которых респондент выступает ребенком, учеником, студентом, солдатом, чиновником, политическим деятелем, экономически активным агентом и др. Возможности исследователя ограничены общим исследовательским замыслом и сводимы к набору формальных индикаторов, но даже в этой ситуации, вне зависимости от сегмента элиты, наиболее полно в профессиональных биографиях элита представляет собственный образовательный статус (наличие высшего образования, тип образования, ученые степени, опыт по повышению квалификации и др.), а также "символический капитал" (звания, награды, премии, изобретения и др.).

Основные характеристики формирующейся базы данных. При создании матрицы базы региональной элиты современной России исследователи исходили из того, что она должна вместить в себя те индикаторы, которые непосредственно отразят основные, жизненные этапы элиты, как ее прошлое, так и настоящее. При систематизации полученной информации различается первичная и вторичная информация, которая, по нашему мнению, одинаково равноценна, так как элита представляет собой относительно закрытую социальную общность. Первичная информация представлена сведениями, которые касаются формальных социально-демографических характеристик и, по сути, представляют достаточно подробное описание тех или иных фрагментов их жизни. Следует отметить, что наиболее проблемной зоной в блоке "первичная социализация" оказывается та часть биографической матрицы, в которой содержатся сведения о детстве, юношеских годах, службе в армии, семейном положении (в том числе и данные о родителях). Эти данные не отличаются информационным насыщением, полнотой, достоверностью. При этом замечено, что наиболее подробно жизненные этапы описаны у представителей региональной политической элиты. Кроме того, эти биографии оказываются и наиболее доступными. При систематизации данных, полученных из различных источников, неизбежна ситуация, когда за границы матрицы попадают те биографические сведения, которые не поддаются строгой формализации и эмпирической обработке. Так называемая "вторичная информация" представ-

ляет не строго структурированный материал, а отражает как формальные, так и неформальные практики региональной элиты.

Анализ социальной базы рекрутирования региональных элит

Важнейшей характеристикой властных элит является *процесс их рекрутирования* [3]. Биографическая база данных элиты дает возможности изучения социальной базы рекрутирования членов властных групп, поскольку содержит информацию об их социальном происхождении, занятии их родителей, а также данные о занятиях самих представителей элиты в различные годы (1987, 1990, 1993, 1995 и 2000 гг.) и их работе, предшествующей и предпредшествующей нынешней должности. Следует признать, что возможности анализа рекрутирования властных групп с точки зрения их социального происхождения, социально-классовой принадлежности тех семей, из которых они вышли, или, говоря иначе, с точки зрения межпоколенной социальной мобильности, ограничены, поскольку данные на этот счет довольно фрагментарны. Более полной является информация о профессиональном пути самих субъектов властных групп, их социально-профессиональных позициях в различные годы перед нынешней должностью.

Биографическая база данных, в значительной мере, позволяет ответить на вопросы: насколько широка социальная база рекрутирования нынешней региональной элиты, в какой мере в позднесоветское и постсоветское время региональная элита была открыта или, напротив, закрыта для выходцев из "низших" слоев и классов? Прежде всего, следует отметить высокую степень закрытости региональной элиты для выходцев из рабочих и крестьян. В 1987 г. лишь 0,5% членов политической и экономической элит, 3% администраторов относились к категории рабочих и колхозников, причем еще в советское время, к 1990 г., большинство из них рассталось со своим рабоче-крестьянским статусом. Случаев, когда выходец из рабочих и крестьян сразу, без промежуточных ступеней, занял бы нынешнюю элитную позицию, нет даже среди депутатов. Гораздо больше возможностей попасть на вершину региональной властной иерархии было у тех, кого теперь относят к средним, промежуточным слоям - среднему управленческому персоналу и специалистам предприятий и учреждений. В 1987 г. около 1/3 экономической элиты, около 40% администраторов и более 46% депутатов принадлежали к этой категории, будучи специалистами и средними менеджерами на предприятиях; работая в сфере науки, культуры, образования и здравоохранения; занимая офицерские должности (обычно среднего или младшего звена) в армии и других силовых структурах. Причем, если в ряды экономической элиты имели шанс выдвинуться, главным образом, средние менеджеры и специалисты предприятий, то политическая элита рекрутировалась из представителей средних слоев деятелей науки, культуры и образования и работников силовых структур.

Стоит отметить и региональные различия. Политическая элита Петербурга была в наибольшей степени доступна для выходцев из средних слоев: более 80% нынешних депутатов имели такой статус в 1987 г. (в Ростовской области - всего 28%); в административной элите города выходцы из средних слоев в 1987 г. составляли более 50%. Сравнение нынешней позиции представителей элит с их позицией в 1987 г. дает нам наиболее широкий бассейн рекрутирования нынешних властных групп, наивысшие показатели социальной мобильности. В последующие годы происходит сужение базы рекрутирования, уменьшение интенсивности вертикальной мобильности, сокращение доли выходцев из неэлитных групп общества. Так, в 2000 г. ни один из членов нынешних элит не был рабочим, а к средним слоям относилось, в общей сложности, 3% нынешних бизнесменов и 9% нынешних депутатов.

В целом, в постсоветский период обнаруживается ряд тесно связанных между собой, переплетающихся тенденций, способствующих сужению базы рекрутирования, препятствующих вхождению в элиту представителей "подчиненных" слоев и классов и

свидетельствующих о довольно высокой степени социальной закрытости властных групп.

Во-первых, тенденция к воспроизводству правящих групп позднесоветского общества, формированию нынешних элит из тех лиц, которые уже к концу советского времени были на вершине региональной властной иерархии [4]. Так, в 1987 г., более 47% нынешних руководителей крупных предприятий и депутатов (по данным, которыми мы располагаем), а также половина администраторов уже занимались руководящей экономической или политико-административной деятельностью. К 1990 г. доля таких лиц по всем трем элитным группам превысила 60%, причем, если среди бизнесменов и депутатов преобладали те, кто занимал руководящие посты на предприятиях, то среди администраторов - представители политической номенклатуры.

Впрочем, существуют значимые различия между региональными сегментами элит. Например, довольно слабо укоренена во властных структурах политическая элита Петербурга советского времени (что может быть связано с относительной развитостью демократических выборов на рубеже 1980 - 1990-х гг. и высокой, в прошлом, популярностью антикоммунистических, либеральных идей в городе). Напротив, политико-административная элита Ростовской области является более "советской".

Во-вторых, тесно связана с первой тенденцией *профессионализация властных групп*, которая, не исключая полностью восходящей мобильности, ограничивает ее социальную дистанцию, например, переходом с должностей заместителей генерального директора предприятия или заместителя председателя комитета администрации на посты, соответственно, генерального директора и председателя комитета. Судя по данным о работе нынешней элиты в различные годы, значительная ее часть не меняла сферы деятельности за этот период. Больше всего эта тенденция выражена в экономической элите: в 1987 г. уже более 40% той части бизнесменов, о занятии которой доступна информация, руководили предприятиями, и 88% руководителей предприятий занимались аналогичной работой до занятия нынешней должности. Слабее всего указанная тенденция выражена среди депутатов: в 1987 г. лишь 13% занимались политико-административной деятельностью, а у нынешних опрошенных - 68%.

Более выраженная тенденция к профессионализации членов экономической элиты по сравнению с политико-административной может объясняться меньшей демократичностью и контролируемостью со стороны внешнего механизма рекрутирования. Политики и чиновники олицетворяют публичную власть, которая, как предполагается, представляет все общество, все население и подотчетна им. Данная элита отчасти формируется демократическим путем, посредством всеобщих выборов. Вместе с тем существуют институционализированные механизмы, позволяющие различным группам, прежде всего бизнесу, оказывать значимое влияние на рекрутирование и состав элиты (лоббизм, финансирование политических партий и кандидатов, воздействие на общественное мнение). В экономике, особенно в частном секторе, власть носит частный и авторитарный характер, будучи даже формально подотчетна не обществу, а собственникам капитала. Процесс рекрутирования находится под контролем самой экономической элиты, особенно владельцев капитала, и подчинен их частным интересам, состоящим в обеспечении наибольшей прибыльности предприятия. Эти особенности усиливают тенденцию к профессионализации экономической элиты. Напротив, в административной и политической элитах тенденция к *профессиональной закрытости* будет выражена слабее, поскольку ее сдерживает зависимость процесса рекрутирования от демократических процедур и внешних давлений. Кроме того, большая степень профессионализации экономической элиты связана с более узким и специфическим характером ее деятельности (по сравнению с работой депутатов, чиновников) и, в связи с этим, большей определенностью и значимостью меритократических критериев продвижения.

Деятельность политико-административной элиты носит широкий, многосторонний характер, заключааясь в управлении всем региональным сообществом, его различными сферами, включая регулирование экономики. *Критерии профессионализма и эф-*

фактивности деятельности, особенно депутатского корпуса и верхушки административной элиты, сравнительно неопределенны; круг и характер необходимых для этой деятельности знаний и умений (образование, квалификация, опыт) также не строго определены или, по крайней мере, сравнительно разнообразны. Широта власти и разнообразие задач государства создают постоянную потребность в кадрах, имеющих знания и опыт работы в других сферах (экономика, социальная сфера, культура, образование и пр.), а значит способствуют наличию в политико-административной элите более высокой доли лиц, сменивших прежнюю сферу деятельности.

Наконец, кроме *воспроизводства властных групп советского общества и профессионализации* важной тенденцией процесса рекрутирования элиты, препятствующей вхождению в нее выходцев из подчиненных классов, является *интенсивная горизонтальная мобильность между институциональными сегментами элит*, которая проявляется, прежде всего, в перемещении руководителей предприятий в ряды политиков и чиновников, то есть *плутократизация политико-административной власти* - это, *в-третьих*. (Бизнес является важнейшим, за пределами самого госаппарата, базисом рекрутирования политико-административной элиты. Причем, в случае бизнесменов, ставших депутатами, преобладает не столько перемещение, сколько сращивание позиций.) Плутократизация политико-административной элиты в общем неудивительна, учитывая громадные ресурсы, которые контролируют бизнесмены, и основанную на них политическую (структурную и инструментальную) власть бизнеса. Впрочем уровень плутократизации существенно варьируется между различными региональными сегментами политико-административной власти. Так, например, в политической элите Петербурга этот уровень низок (лишь 5% нынешних депутатов до своего избрания руководили фирмами), тогда как в Ростовской области 50% депутатов - выходцы из бизнеса.

Эти различия во многом обусловлены различиями в институциональном дизайне, форме организации региональных органов представительной власти. Речь, в частности, идет о том, что часть депутатов (какая?) может и должна, согласно местным нормативным актам, работать профессионально на постоянной основе и не вправе заниматься другой оплачиваемой, в частности, коммерческой, деятельностью. В Петербурге это требование относится ко всему составу Законодательного собрания, в Ленинградской области на постоянной основе могут работать не более 36 из 50 депутатов, в Калининградской - половина, а в Ростовской области всего 18 из 45 депутатов. Наличие депутатских мест без заработной платы, возможность и необходимость совмещать законотворческую деятельность с основной работой препятствуют профессионализации и способствуют плутократизации законодательного корпуса. Действительно, из всех социально-экономических групп общества такое положение выгоднее всего бизнесменам: *во-первых*, бизнесмены, в отличие от основной массы работников, в состоянии, контролируя собственные условия труда, собственное рабочее время, совмещать основную работу с депутатством; *во-вторых*, такое совмещение устраняет опасность проигрыша в доходе или утраты контроля над собственностью при (формальном) переходе из бизнеса в депутатский корпус. Таким образом, в некоторых регионах сама форма организации местной власти способствует плутократизации элиты и, напротив, ограничивает возможности политического участия и вхождения в политическую элиту членов экономически подчиненных групп общества. В данном случае проявляется то, что Р. Элфорд и Р. Фридланд назвали "структурной властью", возникающей, когда "определенная организация политической власти (сама результат исторической борьбы между интересами) по-разному воздействует на уровень и эффективность политического участия различных социальных групп" [5].

Выявленная с помощью биографической базы данных довольно высокая и растущая степень закрытости региональных властных элит для выходцев из подчиненных групп, в особенности "низших" классов, узость социальной базы их рекрутирования остро ставит, по крайней мере, применительно к "публичным" элитам - депутатам и чиновникам, вопрос о качестве (формально декларируемого) "народного представи-

тельства". В частности, хотя не существует автоматической связи между прошлым профессиональным статусом политика и его решениями, но сверхпредставленность в политико-административной элите выходцев из бизнеса не способствует тому, чтобы она проводила политику в интересах всего регионального сообщества. Более того, прямое сращивание бизнеса и власти создает опасность подчинения региональной политики узким, своекорыстным интересам отдельных коммерческих структур. Проникновение конкурентной борьбы различных сегментов бизнеса в среду регионального государственного аппарата, превращение его в арену их соперничества подрывают способность "публичной" элиты проводить последовательную, непротиворечивую политику не только в интересах всего местного сообщества, но и бизнеса в целом. Для этого требуется, если использовать термин из неомарксистской политической теории, "относительная автономия" политико-административной власти от интересов капитала [6].

Таким образом, биографический материал с точки зрения исследования элиты вообще, и региональной элиты, в частности, является одним из главных, а иногда и единственно возможным эмпирическим источником для социального измерения и понимания происходящего. Однако следует отметить, что как и любая иная исследовательская стратегия, *биографический метод в изучении элитного сообщества имеет свои недостатки и ограничения.*

Тендерное измерение региональной элиты. Один из сюжетов в исследовании региональной элиты в современной России был посвящен тендерной проблематике. Нас интересовало, какими ресурсами обладали женщины, представлявшие политическую, административную, экономическую элиту исследуемых регионов. В качестве ресурсов рассматривалось: что дает возможность женщинам не только для вхождения/выхода из элитного социального сообщества, но и позволяет конвертировать имеющиеся ресурсы в различные институты с целью получения дивидендов на полученный капитал. Если возраст и показатели трудоспособности женщин анализировались как некий "физиологический ресурс" (в типологии Тихоновой Н. Е.), то квалификационный ресурс был представлен образованием, навыками, которые достаточно жестко коррелируют с общим уровнем жизни, и тем, каким объемом экономического капитала обладают представители исследуемой общности [7].

При исследовании региональной элиты мы обратили внимание на *культурные* и *социальные ресурсы*, которые измерялись посредством рассмотрения процесса социализации, стиля жизни, наличия либо отсутствия устойчивых/временных сетей, социальных связей. Описательные эмпирические данные позволили отразить некоторые существенные элементы процесса социализации женского сегмента региональной элиты: роль родительского статуса в процессе социализации, место рождения и учебы представительниц женской элиты, образовательный уровень их родителей.

Далее мы рассматривали так называемый *квалификационный ресурс*, среди важных составляющих которого - образование, социальные навыки. Интерес представляют общие распределения по типу образования, а также данные о наличии/отсутствии научной степени - индикатора объема квалификационного ресурса, о связи возраста и времени повышения образовательного статуса, наличии/отсутствии номенклатурного опыта, сведения об институтах, где этот опыт приобретался. Если же рассматривать биографию женщин в институциональном разрезе (политическая, административная, экономическая сферы), то эмпирические данные позволили определить тендерную структуру четырех *региональных парламентов*, объективные/субъективные возможности женщин по вхождению в политическую элиту исследуемых регионов. Биографические данные позволили определить: уровень представленности женщин в административном секторе, гендерно-профессиональную структуру исполнительной власти, каналы и практики рекрутирования, особенности социально-профессиональной иерархии в региональных администрациях.

Был изучен также *административный сектор* каждого из исследуемого регионов с точки зрения тендерного распределения.

Распределение внутри административного сегмента показывает, что женщины наиболее представлены в администрации Калининградской области. Качественный анализ гендерно-профессиональной структуры исполнительной власти по этому региону показывает, что несмотря на 37% представленности женщин в административной элите на ключевых постах (где предполагается принятие решений), доминируют мужчины. Подобная ситуация наблюдается и в южном регионе России - Ростовской области, где только 26% от общего количества позиций в административной элите занимают женщины. В Санкт-Петербурге наблюдается устойчивое доминирование в структуре исполнительной власти мужчин.

Таким образом, большинство исследуемых регионов является примером воспроизводства кадровой политики, которая предполагала назначение на руководящие посты исключительно мужчин. Гендерное распределение, сложившееся в административной элите, свидетельствует о том, что воспроизводятся практики рекрутирования, которые формально определяли равные права для мужчин и женщин, но в большинстве случаев не предоставляли реальных возможностей для их применения. Анализ эмпирических данных позволил констатировать, что чем выше уровень в структуре исполнительной власти, тем меньше шансов занять эту позицию женщинам. В современной российской политике доминирует практика назначения/продвижения мужчин на ключевые посты, тогда как женщины оказываются исключенными из процесса принятия политических решений.

Если же сравнивать полученные данные по представительству женщин в региональных парламентах и городских/областных администрациях, то станет заметно, что женщины все больше занимают позиции в административных органах региональной власти, органах местного самоуправления. При этом нами зафиксированы единичные случаи попадания женщин на высшие ступеньки административной институции (губернатора, вице-губернатора в Санкт-Петербурге, Калининградской области). Чаще всего представительницы женского пола занимают пост не выше руководителя комитета в городской/областной администрации. Существует эмпирически доказуемая связь между полом и позицией, какую занимает внутри административной власти женщина/мужчина. Существует не только "потолок" позиций в социально-профессиональной иерархии для женщин, а представительство женщин на высших ступенях власти остается крайне низким, но историческим фактом остается и то, что социально-профильные, равно как и финансовые, комитеты исполнительной власти чаще всего возглавляются женщинами. Подобные практики сохраняются во многих региональных администрациях по настоящее время.

Серьезным фактором, который во многом определяет *гендерное измерение экономической элиты* исследуемых регионов, является отраслевая структура региональных экономик. В случае доминирования в структуре региональной экономики традиционно женских отраслей (финансовый сектор, пищевая промышленность, торговля, сфера услуг, легкая промышленность и др.) большая вероятность доминирования женщин в структуре экономической элиты. Кроме того, немаловажным фактором, который влияет на определение социально-половой структуры региональной экономической элиты, оказывается исследовательская практика, которая позволяет на определенном этапе формирования выборочной совокупности включить либо исключить ту или иную руководящую позицию из числа элитных. Как правило, этот узкий круг лиц представлен теми, кто осуществляет контроль крупнейших/крупных компаний в регионе, участвует в процессе принятия стратегических решений, которые связаны с оперативной деятельностью этих компаний/предприятий: крупные собственники, представители банковского сегмента экономической элиты, высшие менеджеры. При этом на определенных этапах решения методических задач, связанных с формированием выборочной совокупности экономической элиты, не исключены некоторые погрешности.

Если обратиться к полученным эмпирическим данным, то заметно, что женщины в экономической элите регионов представлены незначительно. Высшие позиции среди

исследуемых регионов, по степени доминирования мужчин в высшем управлении компаний/предприятий занимает Санкт-Петербург (92%). Экономика Санкт-Петербурга лидирует практически по всем показателям в Северо-Западном федеральном округе, а Санкт-Петербург - крупнейший экономически развитый центр в российской экономике. В отраслевой структуре экономической элиты преобладающие позиции занимают промышленность (машиностроение, металлургия), пищевая отрасль, строительство, торговля, страхование, банковский сектор, коммуникации. Около трети экономической элиты Санкт-Петербурга занимает финансовая элита (банки, инвестиционные, страховые компании), выделенная в отдельный сегмент по доминированию мужчин. В калининградской экономике, в связи с особым статусом экономики (ОЭЗ), созданы условия для развития обрабатывающей промышленности, автотранспортного производства, добычи полезных ископаемых, швейного производства, производства и торговли пищевых продуктов (включая рыбную промышленность), электротехнической отрасли, финансового сектора. В Ленинградской области 34% всего экономически активного населения области занято в сфере услуг, преобладают пищевая промышленность, инфраструктура и др. отрасли. Что касается экономической элиты Ростовской области, ее особенность состоит в том, что областной центр (Ростов-на-Дону) имеет особый экономический и политический статус: с 2002 г. Ростов-на-Дону является столицей Южного федерального округа. В экономике этого региона мощные позиции занимает финансовый сектор, пищевая отрасль, торговля, инфраструктура, что также нашло отражение в составе экономической элиты по половому признаку. Лидирующие позиции среди исследуемых регионов по степени доминирования женщин в экономике занимает Ростовская область (17%). В отличие от Ростовской области, в двух других исследуемых регионах наблюдается следующее распределение женщин в экономическом сегменте региональной элиты: 10% - Калининградская область, в Ленинградской области - более 6%. Обращает внимание факт, что явного количественного доминирования женщин в экономической элите по сравнению с политическим, административным сегментом региональных элит не наблюдается.

Таким образом, биографический метод, с точки зрения исследования элиты вообще и региональной элиты, в частности, является важным и иногда единственно возможным эмпирическим способом для социального измерения и понимания происходящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Анализ нарративного интервью: реконструкция биографической работы // Российский тендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография / Под ред. *Е. Здравомысловой, А. Темкиной.* СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.
2. *Бекжанова Н., Жабрева А., Сидоренко Н.* К проблеме библиографирования биографий // Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. Пятые чтения памяти Вениамина Иофе. 16 - 18 апреля 2007 г. Сборник докладов.
3. Бассейн рекрутирования властных элит является довольно популярным предметом исследования. См., напр.: *Boreham P., Cass M., McCallum M.* The Australian Bureaucratic Elite: The Importance of Social Backgrounds and Occupational Experience // *Journal of Sociology.* 1979. Vol. 15. N 4. P. 45 - 55; *Opello J., Walter C.* Portugal's administrative elite: Social origins and political attitudes // *West European Politics.* 1983. Vol. 6. N 1. P. 63 - 74; *Perkin H.* The Recruitment of Elites in British Society since 1900 // *Journal of Social History.* 1980. Vol. 12. N 2. P. 222 - 234; *Hoffmann-Lange U.* Elite Research in Germany // *International Review of Sociology.* 2001. Vol. 11. N 2. P. 201 - 216; *Higley J., Moore G.* Political Elite Studies at the Year 2000 // *International Review of Sociology.* 2001. Vol. 11. N 2. P. 175 - 180.
4. Полученные данные в существенной мере подтверждают теорию "воспроизводства элиты" в ходе трансформации: *Szelenyi I. and Szelenyi S.* Circulation of Reproduction of Elites during the Post-Communist Transformation of Eastern Europe // *Theory and Society.* 1995. Vol. 24. N 5. P. 615 - 638.
5. *Alford R., Friedland R.* Political participation and public policy // *Annual review, of sociology.* 1975. Vol. 1. P. 473.
6. См.: *Gulalp H.* Capital Accumulation, Classes and the Relative Autonomy of the State // *Science & Society.* 1987. Vol. 55. N 3. P. 287 - 313.
7. *Тихонова Н. Е.* Социальная стратификация российского общества: ресурсный подход // http://www.hse.educente/200600406_tihonova.doc, доступно 6 апреля 2007 г.